

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Богдан Н. Н., Касьяненко Г. В.** Социальная компетентность как многоуровневое и многокомпонентное явление // *Философия образования*. – 2013. – № 2 (47). – С. 78–84.
2. **Чернякова М. М.** Социальная модернизация образования: проблемы и решения // *Философия образования*. – 2013. – № 2 (47). – С. 57–62.
3. **Павлова Т. А.** Влияние властной и элитарной тенденций на социальную безопасность общества // *Философия образования*. – 2013. – № 2 (47). – С. 73–78.
4. **Смирнов Н. К.** Здоровьесберегающие образовательные технологии в современной школе. – М.: АПК и ПРО, 2002. – 121 с.
5. **Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю.** Время великого размежевания: от техногенно-потребительской – к духовно-экологической цивилизации // *Вестник Моск. ун-та. Серия 7. Философия*. – 1999. – № 6. – С. 3–25.
6. **Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю.** Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. – Изд. 2-е, испр. – Барнаул: Изд-во АГАУ, 2010. – 133 с.

Принята редакцией 15.09.2013

УДК 167.7

ГЕОПОЛИТИКА КАК СОВРЕМЕННАЯ НАУКА И ВУЗОВСКАЯ ДИСЦИПЛИНА: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. А. Изгарская (Новосибирск)

Настоящая статья продолжает ряд более ранних публикаций автора, целью которых является анализ общего состояния геополитики как науки. Статья посвящена проблемам развития геополитики в российском научном сообществе и ее состоянию как вузовской дисциплины. Автор акцентирует внимание на необходимости коррекции содержания учебной литературы в сторону его соответствия современным научным стандартам.

Ключевые слова: *геополитика, наука, научная методология, теоретические модели, метафора, геополитические категории.*

GEOPOLITICS AS A MODERN SCIENCE AND A UNIVERSITY DISCIPLINE: CRITICAL ANALYSIS OF THE CONTENT OF THE EDUCATIONAL LITERATURE

A. A. Izgarskaya (Novosibirsk)

This article is a continuation of the previous publications by the author, whose purpose was to analyze the general status of geopolitics as a science. The article is devoted to the problems of development of geopolitics in the Russian scientific community and its status in the Russian higher education system. The author

© Изгарская А. А., 2013

Изгарская Анна Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: izgarskaya@rambler.ru

emphasizes the necessity of correction of the content of the educational literature in order to make it conformable to the modern scientific standards.

Key words: *geopolitics, science, scientific methodology, theoretical models, metaphor, geopolitical categories.*

Стандарт научности геополитики изменялся со временем. Верхняя планка в развитии геополитики сегодня установлена теорией роста и распада государств Р. Коллинза. Поэтому чтобы выявить ключевые трудности и определить основные перспективы развития данной дисциплины у нас в стране, необходимо сравнить уровень отечественных теоретических разработок в области геополитики с этой верхней планкой. Но прежде чем перейти к решению данной задачи, следует посмотреть на геополитику как на вузовскую дисциплину. Именно в виде учебного предмета геополитика формирует базовые знания, которые потом легко обнаруживаются в престижных научных изданиях. Основной акцент будет сделан на литературу, чаще всего рекомендуемую для прочтения в учебно-методических комплексах и программах.

Начнем с анализа понятий. Ключевыми понятиями геополитики в западной традиции являются «пространство» и «центр политической власти» (как один из вариантов понятия «государство»). В большинстве отечественных концепций категориями геополитики называют только элементы взаимосвязи этих понятий. Например, Ю. В. Тихонравов выделяет такие категории геополитических теорий прошлого, как сфера влияния, баланс мощи, буферная зона, страны-сателлиты, маргинальный пояс. Особое внимание он уделяет геостратегии и границе [1, с. 33]. Границу как важнейшую категорию геополитики рассматривает и Э. А. Поздняков [2, с. 42]. Н. А. Нартов как категории геополитики называет контроль над пространством, баланс сил, политическое пространство, интерес, механизм реализации государственных интересов, экспансию [3, с. 24–30]. Даже там, где признается, что государство является важнейшей составляющей геополитики как науки, ясного ответа на вопрос о его природе не имеется.

Перечисленные категории можно принять, но возникает вопрос, почему государство не представлено как базовая категория геополитики? Мы найдем ответ, если рассмотрим, как происходит выделение области геополитического исследования, выяснение места геополитики среди других научных дисциплин. Примером может послужить утверждение Ю. Т. Тихонравова, для которого геополитика – это «отрасль знания на стыке географии и политологии» [1, с. 6]. Он полагает, что каждая из этих наук уже давно и прочно обрела свое место в системе образования. Геополитике же это еще только предстоит сделать. Для этого ей нужно, как минимум, синтезировать некоторые положения, уже разработанные в политологии и географии (в случае Ю. Т. Тихонравова – «экзистенциальной географии»), с некоторыми общими принципами геополитики, выявленными на ее «классическом» этапе и развивавшимися в последующие периоды. Государство же – это объект исследования политологии; вероятно, именно поэтому в преобладающем большинстве публикаций по геополитике проблема государства не поднимается. Процесс выделения области геополитического исследования в отечественной науке в данном разделе изложен схематически; существуют мнения,

рассматривающие геополитику как раздел современной политологии, но все это не меняет сути – геополитике отказано быть наукой, изучающей природу государства, проблему его возникновения, его функций, смены власти и т. д.

Если же рассматривать процесс развития геополитики, то можно прийти к выводу, что немецкая геополитика, либеральное направление в политологии США, а также элементы политической науки, получившие свое развитие в рамках «теории исторического материализма», господствовавшей в СССР, были, в терминах И. Лакатоса, конкурирующими научно-исследовательскими программами. Геополитика создавала во многом отличный от политологии и марксизма подход к государству. Основными отличиями геополитической теории является наличие представления о государстве, о центральной власти как автономной силе, а также акцент на внешний аспект при построении модели политической единицы. После Второй мировой войны, в период общего изгнания геополитики, политология продолжала успешно развиваться, расширять область исследования, совершенствовать теоретическую базу и методы. Вышла она и на проблемы, обозначенные геополитикой. В современной отечественной политологии понятия политического пространства и государства очень обширны по своему содержанию, но если попытаться разрешить более конкретный вопрос, например, процесс возникновения государства, то выяснится, что подход далек от геополитического.

Теперь обратимся к анализу методов построения теорий. Создание геополитических теорий в отечественной науке происходит или как попытка систематизации и синтеза наиболее рациональных положений предшествующих концепций (например, А. Дугин, Э. Поздняков, К. Сорокин), или на основе тезиса о появлении новых объектов исследования, нового содержания дисциплины. Суть последнего утверждения заключается в том, что мировая система приобрела всепланетарный характер, и поэтому, как считает К.С. Гаджиев, «геополитика призвана исследовать, как, с помощью каких механизмов и на каких принципах эта система живет и функционирует» [4].

Оба подхода имеют серьезные недостатки. Попытка построения геополитической теории на основе особенностей современной ситуации в мире приведет к сильному сужению области исторических исследований. Далеко не все события в истории, которые могут быть изучены геополитикой, связаны с процессом формирования единого мирового сообщества. Теории, появившиеся на основе синтеза, тоже имеют серьезный недостаток. Не поднимая проблему возможности такого синтеза, отмечу, что в результате применения данного подхода ученый, сознательно или нет, попадает под влияние парадигм прошлого, и предсказание происходит на основе инвариантной модели. За всю историю геополитики было создано множество инвариантных моделей, удачных и не совсем удачных предсказаний, и при желании, хорошо зная источники, несложно найти модель, при помощи которой можно было бы так или иначе объяснить любую ситуацию в современной политике и указать вариант ее развития. Если предсказание не сбудется, можно отказаться от ранее избранной модели и обратиться к другой. Однако, оставаясь на уровне проб и ошибок, нельзя утверждать, что мы занимаемся зрелой наукой.

В отечественной литературе существуют также примеры создания новых инвариантных моделей. Работы В.Л. Цымбурского – одни из немногих, в которых делается попытка переосмысления отечественной истории с позиций геополитики. В. Л. Цымбурский, отвергая модель «хартленд», формулирует модель-метафору «остров Россия». При всей новизне и привлекательности данная модель является инвариантной и обладает всеми недостатками, которые присущи моделям данного типа. Она создает образные эмоциональные впечатления, место дедукции занимают смутные аналогии. Объяснение строится на основе метафоры, а не на законе, как требует современная наука. Более того, работа В. Л. Цымбурского является примером теории территориальной динамики государства, которая создана только на примере истории России и применима, соответственно, только к ней.

Возникает вопрос, почему большинство геополитических построений в отечественной науке производится по принципу инвариантной модели? Скорее всего, это происходит не из-за боязни ученых, создающих «романтизированные версии геополитики», «привыкнуть к унылой регистрации фактов влияния географии на политику и к убогим обобщениям этих фактов» позитивизмом, о чем пишет Ю. В. Тихонравов [1, с. 322]. Ситуация гораздо серьезнее. Все геополитические теории формируются на базе доминирующей в научном сообществе социальной теории, которая содержит в себе некоторое решение проблемы государства. Именно из таких, более общих теорий геополитика заимствует онтологию и объяснительные метафоры.

В отечественной политической науке еще совсем недавно была широко распространена либеральная теория государства. Марксистская традиция трактовки государства встречается крайне редко, в основном в виде попыток синтеза с либеральной теорией. Вероятно, данные подходы к изучению государства возможны и даже необходимы, но к чему они приводят в случае, когда ученый пытается создать на такой основе геополитическую концепцию? Одним из примеров может послужить статья М. Е. Панова «К вопросу о методологических основах оценки безопасности». Рассматривая проблемы безопасности, автор не мог пройти мимо такой категории, как государство. Он отмечает, что «при определенных условиях государство может стоять выше групповых интересов и обеспечивать безопасность всего общества. Но нередко оно оказывается выразителем интересов <...> отдельных социальных групп и <...> может разрушать общество. В этом случае безопасность государства противоречит его интересам. Очевидно, что государство должно быть лишь инструментом в руках общества и потому не может быть наделено какой-то собственной безопасностью». Не указывая на условия, при которых государство выражает «групповые» интересы или интересы всего общества, М. Е. Панов определяет его лишь как «инструмент обеспечения безопасности». В результате в исследовании «структуры общенациональной безопасности» государству не нашлось места [5].

Анализ государства с использованием синтеза марксистской и либеральной точек зрения был проделан для того, чтобы изъять эту категорию из области исследования. Распад Советского Союза М. Е. Панов объясняет наличием «дефицита жизнеспособности системы» и предлагает с целью преодоления сложившейся ситуации «сделать упор на дос-

тижении устойчивости общества, способности обеспечить самое широкое удовлетворение его интересов» [5, с. 33]. Несостоятельность данного тезиса обнаруживается сразу, как только мы попытаемся ответить на вопрос: зависит ли безопасность общества от полноты удовлетворения его интересов? Широкое удовлетворение интересов общества, несомненно, является благом, но если мы обратимся к истории, то означает ли это, что страны, стремящиеся к этому, всегда находились в более безопасной ситуации и имели преимущество перед другими странами? Очевидно, нет. Таким образом, отсутствие в теории понятия государства как относительно автономной социальной единицы, имеющей свои интересы, приводит к поверхностному взгляду на глубинные геополитические процессы.

После краха либерального проекта в отечественной политике либеральная теория уступила место направлениям, которые в совокупности можно назвать державно-почвенническими (см. критику [6, с. 34–55]). Представители этих направлений (А. С. Панарин, Н. Нарочницкая, Н. Слонов, С. Кургиян и др.) – «государственники», однако в обосновании идеи сильной российской государственности они настаивают на единстве, порой мистическом, государства и общества. Как правило, в таких работах обнаруживается приписывание российской государственности положительных черт и их абсолютизация. Например, А. С. Панарин заявлял, что российское государство «есть оружие, стоящее на стороне слабых против сильных», при этом «кротость перед лицом государства» у россиян есть результат наличия у них «живого ощущения присутствия высших принципов и высших парадоксов, таинственно сопутствующих государевой миссии» [7, с. 242–243].

В отечественной литературе широкое распространение получила также органистическая и политико-экономическая парадигмы. Большую роль в их распространении сыграл журнал «Элементы». Как правило, в статьях этого журнала отсутствует критический подход, какой-либо анализ геополитических теорий прошлого. Сказанное относится и ко многим другим публикациям. Например, Н. А. Нартов в разделе «Основные законы геополитики» называет «закон фундаментального дуализма», под которым традиционно понимает противостояние стран моря и суши [3, с. 22]. Он игнорирует то, что в конце Второй мировой войны сам Х. Маккиндер отказался от дихотомии суши и моря и предсказывал возникновение противоречий между странами «хартленда» и государствами «муссонных территорий».

Примером подобного использования модели хартленда Х. Маккиндера может быть и публикация О.В. Плотниковой. Объясняя, почему геополитическое положение России имеет на сегодняшний день уникальный характер, она пишет: «...на географической карте Россия занимает центральную позицию, или, пользуясь терминологией геополитики, сердцевинную землю (хартленд), ограниченную Каспием и Байкалом с юга, арктическими морями – с севера и достаточно подвижными границами – с запада и востока. Поэтому ходом истории России отведена роль держателя как мирового цивилизационного, так и стратегического баланса сил» [8, с. 23–24]. Х. Маккиндер понимал под «хартлендом» конкретную область поверхности земного шара, контроль над которым позволяет контролировать весь мир. Современная Россия не может претендовать на

столь значимое место, поэтому в интерпретации теории Маккиндера О. В. Плотниковой мы обнаруживаем сужение эмпирического поля теории. Что касается «центральной позиции» России на географической карте, необходимо отметить следующее обстоятельство. Все очень относительно. Существуют, например, современные американские карты мира, где материк Евразия, потеряв свою целостность, занимает диаметрально противоположные стороны карты, в центре же располагается великое открытие Колумба. Средневековый китаец тоже видел свою страну в центре мира. Не потеряла своей актуальности идея «евроцентризма», в том числе и для науки, которая стремится преодолеть ее как некоторую ценностную установку, идеологическую зашоренность. Так, может быть, столь высокая популярность в отечественной литературе идеи «Россия – хартленд» объясняется лишь нашим ущемленным национальным самолюбием и отсутствием современной теории?

Концепт «хартленд» в настоящее время является удачной метафорой для политических идеологий, но не для современной науки. С позиции идеологии «Россия – хартленд» предполагается очень выгодная трактовка г. Москвы. Например, В. Т. Горбачев в глоссарии к учебно-методическому материалу дает следующее определение: «Москва – естественная стратегическая столица Евразии. Основа осей всякой континентальной интеграции» [9, с. 47]. Некто не оспаривает значения Москвы как столицы государства, международного политического центра, но следует задать вопрос, что скрывается за понятием «естественное»? Напомним, что в органицизме используется метод редукции сложного социального к биологическому, что приводит к чрезмерно упрощенному пониманию социально-политических явлений.

В современных отечественных геополитических исследованиях в качестве методологического основания часто используются концепции евразийства. Особенно интересные результаты данное направление представляет в области исследования ментальных установок российского народа и русской интеллигенции. Однако, как правило, в таких случаях наблюдается недооценка средств насилия со стороны государства в формировании Евразийского пространства. Помимо этого, увлеченность отечественных авторов геополитическими теориями первой половины XX в. с акцентом на евразийство при объяснении процессов в России часто приводит к мистицизму.

Мистицизм – это тяжелейшая проблема отечественной геополитики. Дуализм модели А. Мэхэна и Х. Маккиндера «суша–море» часто трансформируется в теологическую модель противостояния «добро–зло». Так, А. Дугин начинает описывать противостояние России и США в терминах классической геополитики, но приходит к следующему выводу в конце седьмой главы своей книги «Геополитика постмодерна»: «Евразийство – это михаэлические (имеется в виду архангел Михаил. – А. И.) световые токи, радикально иной взгляд на судьбу мира, на его смыслы и значение. Евразийство – это переоценка всех ценностей, “передача весов из рук творца в руки Архангела”, “Пурпурного Архангела” (Сохрварди)». Примечательными в этом плане являются также геополитические труды Т. В. Грачевой. Противопоставление Святой Руси и Хазарии строится на дихотомии «добро – зло». Распад Российской империи и СССР объясняется Т. В. Грачевой тем, что «православная вера в народе оску-

дела», «антихристов дух Хазарии оказался сильнее» [10]. Если такого рода объяснения все-таки считать научными, то предсказательную функцию геополитической науки можно искать в наследии ясновидящей Ванги. Распад государственности претерпевали многие народы, следовательно, должна быть общая теория.

Марксизм, еще недавно господствовавший в нашей социальной науке, сегодня в качестве научного основания при построении геополитических концепций практически не используется. Даже в геополитических работах лидера КПРФ Г. А. Зюганова работы классиков марксизма лишь упоминаются, а теоретическим основанием является модель хартленда [11].

Синтез марксизма, органицизма и цивилизационного подхода (концепция «вызова и ответа» А. Тойнби) обнаруживают работы Н. Слонова. Развитие общества представлено им через возникновение противоречий в развитии «живой ткани» общества (одухотворенной жизни и деятельности), образующей со временем защищающий, но сдерживающий ее развитие «панцирь» (авторитарные формы политического устройства). Панцирь ломается под воздействием внутреннего напряжения «живой ткани», в обществе происходят восстания и революции, и цикл возобновляется» [12, с. 90]. Следует отметить, что результат такого синтеза вульгаризирует как марксистскую теорию, так и цивилизационный подход. Марксистская идея снятия противоречия в результате социального конфликта представлена здесь через метафору не то черепахи, не то броненосца, не то непонятного причудливого существа с хитиновым покровом.

Интересная попытка развития некоторых положений теории К. Маркса была предпринята и в отечественной литературе, а именно И. Дьяконовым в книге «Пути истории» (1994), где устанавливается зависимость эволюции человеческого общества от развития не средств производства, а средств ведения войны, военных технологий. Однако эта работа не используется в образовательных курсах геополитики.

В западной литературе анализ работ К. Маркса и М. Вебера привел ученых к пониманию неполноты обеих концепций (Т. Скочпол, М. Манн, Р. Коллинз). Отсутствие внешнего фактора при построении теоретической модели государства в марксизме затрудняет объяснение деятельности государства на международной арене. На основе же геополитической теории невозможно проследить сам процесс социальных трансформаций внутри государства. Проблема решается путем объединения указанных теорий таким образом, что в теории государства становится возможным рассмотрение как внутренних – экономических, идеологических – проблем, так и внешних.

В отечественной литературе тоже имеются попытки объединения теории государства К. Маркса и М. Вебера. Так, Л. Гринин, указывая на то, что различных определений государства очень много, останавливается на двух: если «для современности, вероятно, прав Макс Вебер, считающий, что в основе понятия государства лежит необходимость монополии на законное использование насилия, то для древних – скорее, Маркс». Но означает ли это, что власть у древних народов была менее легитимной, чем у современных, а государства современных обществ являются менее классовыми? Как достоинство работы автора следует отметить, что Л. Гринин стремится обозначить роль войны в процессе появления государства. Очень осторожно обосновывая свое мнение, он пишет, что ва-

риант, предложенный К. Марксом, «возможно... где-то имел место ...». И далее продолжает: «Но если рассматривать государство как организацию, с помощью которой высший слой (класс, группа) могут навязать обществу свою волю и эксплуатировать его, то, скорее всего, государства и возникают в результате насилия – завоевания» [13, с. 60]. Попытка найти компромисс приводит к логической ошибке, а именно, возникновение одного и того же явления автор пытается объяснить разными причинами.

Таким образом, в современных отечественных концепциях геополитики отмечается недостаточная разработанность категории государства. Отсутствие базовой теории и толкает исследователя к тем геополитическим концепциям классиков, где такая теория есть – милитаристская теория государства. Но сами классические концепции построены по стандарту науки начала XX в., и ученый оказывается в замкнутом круге проб и ошибок, создаваемом инвариантной моделью. Попытки провести синтез «положительного» знания различных геополитических концепций без их критического анализа и сравнения их эмпирических полей отбрасывают отечественную науку назад, заставляя шлестись за идеологемами и метафорами начала XX в. и периода холодной войны. Очевидно, что если геополитика в вузовской программе решает идеологические задачи, то все вышеизложенные замечания не имеют большого значения, но, если ее целью является формирование ученого, мыслящего человека, то критерий научности должен быть поставлен безотлагательно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Тихонравов Ю. В.** Геополитика : учеб. пособие. – М. : Интел-Синтез, 1998. – 269 с.
2. **Поздняков Э. А.** Геополитика. – М.: Прогресс, 1995. – 96 с.
3. **Нартов Н. А.** Геополитика : учеб. для вузов. – М. : ЮНИТИ, 1999. – 349 с.
4. **Гаджиев К. С.** Геополитика: история и современное содержание дисциплины // Политические исследования. – 1996. – № 2. – С. 169–183.
5. **Панов М. Е.** К вопросу о методологических основах оценки безопасности // Геополитика и безопасность. – 1995. – № 3. – С. 31–45.
6. **Дубовцев В.** Вектор развития России: конфликт идеологий и перспективы согласия. – Екатеринбург : Сократ, 2008. – 304 с.
7. **Панарин А. С.** Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М. : Алгоритм, 2004. – 640 с.
8. **Плотникова О. В.** Россия в геополитической картине современного мира // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы V Междунар. конф. – Новосибирск : Изд. НГПУ, 1999. – С. 23–26.
9. **Горбачев В. Т.** Геополитика : учеб.-метод. материал. – М. : МИЭМП, 2009. – 60 с.
10. **Грачева Т. В.** Святая Русь против Хазарии. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. – Рязань : Зерно-Слово, 2010. – 304 с.
11. **Зюганов Г. А.** География победы: основы российской геополитики. – М. : Изд-во Партийная печать КПРФ, 1997. – 304 с.
12. **Слонов Н.** Четвертый полюс идеологического поля // Стратегия России. – 2005. – № 10. – С. 83–94.
13. **Гринин Л.** Философия и социология истории: некоторые закономерности истории человечества : учеб. пособие. – Волгоград : Учитель, 1995. – Ч. II. – 126 с.

Принята редакцией 15.09.2013